

фото Андрея Струнина

Евгений Гришковец:

Разве я похож на нуждающегося?

Евгения Гришковца нужно видеть. Можно слышать. На худой конец — читать. Без этого, боюсь, трудно будет понять, как этот человек в очках, внешне напоминающий учителя физики из провинциального городка, превратился в последние пару лет в культового столичного персонажа...

«С идиотами не общаюсь»

— Сколько бывал на ваших, Евгений, спектаклях, столько обращал внимание на присутствие в зале портретов узнаваемых личностей. Неужели всегда так?

— Это вам особенно везло. Раз на раз не приходится. Бывают вечера, когда сразу много известных людей вдруг решают прийти ко мне на представление.

— Вас это напрягает?

— В общем-то нет.

— Но вы следите за поведением дорогих гостей по ходу действия?

— Пожалуй, наоборот — обхожу взглядом эти зоны, но не из страха увидеть негативную реакцию. Конечно, нахождение среди зрителей знаменитостей каким-то образом влияет на атмосферу, однако не скажу, будто для них я стараюсь сыграть по-особенному.

— Куда уж лучше?

— Ну да. Примерно так... Всегда играю, как могу и умею, хотя, безусловно, хочется понравиться симпатичному мне актеру или политике.

— После спектакля звезды становятся ближе, приходят за кулисы знакомиться?

— Бывает.

— Лытит, наверное, внимание столичной тусовки?

— Не тусовки, нет... Приятно, что уважаемые люди сидят и слушают меня, а вот дальше... Не многим удается найти верные слова, сказать после представления что-то важное. Важное для меня. Чаще всего стою с отсутствующей улыбкой, вежливо выслушиваю комплименты, от-

ветно киваю и... и не знаю, как себя вести. Уже столько раз оказывался в подобных ситуациях, но так и не научился верному поведению в них.

— Устали от банальностей?

— Да, одни говорят дежурные слова, но другие вполне искренни. А вот моя реакция почти всегда одинакова. Обидно.

— Общение за кулисами имеет продолжение?

— Иногда приглашают на обед. Если человек мне приятен, не отказываюсь.

— Соглашаетесь на роль свадебного генерала?

— Я общаюсь с теми, кто не позволяет себе использовать людей в подобном качестве. Это же не идиоты какие-нибудь, а люди публичные. Зачем им показуха? Меня зовут поговорить, предполагая найти во мне интересного собеседника. И находят.

— Знаю, что Роман Абрамович ваш страстный поклонник. Давно вы нашли друг друга?

— Хотите спросить, знакомы ли мы? Нет, ни разу не разговаривали, не обедали вместе, Абрамович никогда ко мне не подходил, и я к нему тоже.

— Странно как-то.

— Человек покупает билет, смотрит спектакль, этого достаточно. Что же тут странного?

— А если бы подошел?

— С Александром Мамутом, который бывал на моих представлениях не реже Романа Абрамовича, мы как-то проговорили с полчасика. Очень приятный, обаятельный человек с тихим голосом...

— Ничего вам не предлагал?

— Помошь?

— Ну да. Мало ли, что художнику нужно.

— Мол, нет ли проблем с квартирой, пропской?

— Типа того.

— Понимаю вашу логику. Если подошел бы доктор, то спросил бы меня о здоровье, раз Мамут банкир, значит, должен совать деньги...

— Творцу по рангу положено быть нуждающимся, а богачу приятно прослыть меценатом...

— По-вашему, я похож на нуждающегося?

«Квартиру обворовали по наводке»

— Кто же вас, богему, поймет? Трехдневная небритость, джинсы... А вдруг вам нечужая в Москве негде? Своего жилья-то нет.

— Зато у меня прекрасная квартира в Калининграде.

— Говорят, обворовали ее.

— Подонки, сволочи... Наверняка действовали по наводке. Залезли в окно, украли компьютер с новыми текстами. Их уже не восстановить. Я ведь как пишу? Пока пишу все в себе, помню, а едва произнес, переложил на бумагу — тут же забыл...

Полгода работы — насмарку. Не то чтобы я каждый день сидел и писал, тогда бы осталось только повеситься, но все равно многое пропало. Я не очень компьютерный человек, по-прежнему не умею печатать, надиктовываю все Лене, жене, а никаких копий на дискетах мы не хранили.

— Не боитесь, что написанное вами появится где-нибудь под чужим именем?

— Думаю, грабители давно разобрали компьютер на запчасти и продали...

— Сколько на этом можно выручить? Копейки...

— Знаете, хорошо помню время, когда 300—500 долларов,

— Отказывались?

— Дважды. Даже не рассматривал предложения, попросил и сумму не называть.

— Чтобы не расстраиваться?

— Я же говорю: она на мое решение не повлияла бы. И вообще, зря вы меня по два раза переспрашиваете, словно рассчитываете со второй попытки получить иной ответ. Я сразу говорю то, что в действительности думаю. Хотя... На днях ваши коллеги спросили о моих последних наиболее сильных впечатлениях. Поймал себя на мысли: чтобы ответить правильно, надо говорить не о реальном переживании, а о том, что от меня хотят услышать. Согласитесь, глупо в такой ситуации рассказывать о вкусе виноградных улиток, съеденных в ресторанчике под Бордо.

— Улитки вам в самом деле понравились?

— Их не было, я для примера сказал. Явное несоответствие: на сцене играю историю морячка, служившего на Тихоокеанском флоте, а в жизни, оказывается, предпочитаю Бордо и улиток. Нехорошо, некрасиво. Вроде как обманываешь ожидания публики. По идее надо плести что-то о глубоко запавшем в душу закате над Байкалом или о встрече где-нибудь под Томском с удивительным мужиком. Подобные политкорректные ответы не разрушают сложившийся образ, позволяют выглядеть симпатично, по-нашенски.

— В итоге говорили об улитках или о закате над Байкалом?

иных адресных групп и я другой. Уместность — вот главное. Нужно всегда быть к месту. Для публичного человека важно уже не только его, допустим, актерское мастерство на сцене, но и искусство поступков вне ее. Делая даже очень хорошие спектакли, сочиняя и издавая отличные книжки, ты рискуешь все испортить одним корявым, безответственным по отношению к себе поступком, подорвать доверие людей, условно говоря, снявшись в непотребном сериале или придя в какое-нибудь дешевое ток-шоу.

«Жаль, что у Жванецкого «Геллентваген»

— Преувеличиваете, Евгений.

— Мне так не кажется. Очень люблю слушать прежнего Жванецкого и не понимаю, не принимаю его теперешнего — недоброго, невнятного, никуда не попадающего. Когда узнал, что у него угнали мерседесовский джип, меня это неприятно царапнуло. На мой взгляд, «Геллентваген» — не писательская машина. Дело не в цене, не в том, что она стоит девяносто или сто тысяч долларов. Будь у Михал Михальча «Ягуар» или «Бентли», наверное, понял бы. В этом есть хотя бы попытка стиля, но «Геллентваген», машина братков и новых русских... Блин, мне было очень досадно!

— А Жванецкому нравится.

— За этим авто стоит образ. Художник обязан это чувствовать.

— Ответил, что свежие впечатления еще не отложились и не сформулировались, а более ранние так или иначе нашли отражение в моих спектаклях. Нет смысла пересказывать развернутые тексты. Читайте и смотрите...

Недавно в интервью певца Моби наткнулся на удивительно точные слова, что для художника крайне разрушительной оказывается необходимость много и часто говорить о себе. К примеру, тебя спрашивают: «Вы добрый?» Отделаться вроде бы неудобно, и вот принимаешься за самокопание...

В таких внутренних погружениях можно утонуть. В итоге невольно начинаешь придавать преувеличенное значение эпизодам, мелочам собственной жизни.

— Какое же транспортное средство, любопытно узнать, предпочитаете вы?

— Машину сам не вожу, но у нас в семье есть «Мицубиси». Желтая.

— Теперь представьте, как кто-то говорит: фу, пошлятина!

— Я же никак не навязываю мнение, хотя считаю: чувство вкуса нужно в жизни каждому. К примеру, люблю хорошие швейцарские часы, но у меня нет многих тысяч долларов или евро на их покупку. Читаю специальные журналы и понимаю: мне уже не столько хочется обладать часами, как знать о них все.

— А если вдруг подарят?

— Не откажусь. Буду носить.

— Вам, кстати, когда-нибудь делали дорогие подарки?

— Товарищ подарил оплаченную SIM-карту для мобильного телефона, по ней можно звонить из-за границы. Шикарно!

К слову, наблюдение, связанное с телефоном. Несколько лет назад, помню, радовался огромному количеству звонков, а сегодня получаю удовольствие, если никто не тревожит. Много случайных людей, необязательных контактов. А это все время, мое время...

— Говорите так, пока вас достают звонками. Александр Абдулов рассказывал мне, что нет ничего страшнее молчащего телефона. Он тогда болел, и о нем все словно забыли.

— У Абдулова другой возраст, и лучше, главное у него уже в прошлом...

— Что вы хотите этим сказать, Евгений? Обидеть звезду норовите?

— Собственно, все сказано. Наверняка сейчас я работаю намного больше, но Александр Гаврилович входит в число народных кумиров, его помнят и любят. Даже если никто не звонит, Абдулову есть на что опереться.

— А вам?

— Мне? Я же пока почти не играл в кино...

■ Андрей Ванденко.

заработанных за месяц, казались мне большой суммой. Даже появлялись планы, как ее лучше, выгоднее потратить. В Москву из Калининграда ездил тогда поездом. Лететь на самолете было слишком накладно. И за «Антибукером» приехал в плацкартном вагоне. Полученные двенадцать тысяч премиальных долларов тут же разошлись на долги.

— Но хотя бы на обратный купейный билет денег хватило?

— Нет, тоже взял плацкарту. Мне ведь в Москве вручили только диплом, а доллары пришли лишь месяцем через четыре...

— Зато теперь, наверное, не отказываете себе в удовольствии прокатиться бизнес-классом?

— Зачем? Бессмысленная трата. Правда, дважды меня уз-

« Александр Мамут бывал на моих представлениях не реже Романа Абрамовича. Очень приятный, обаятельный человек с тихим голосом... »

навали стюардессы и пересаживали в первый салон. Было очень приятно. Не столько из-за мягких кресел и сытного обеда, сколько из-за факта: позвали, уважили...

Что же касается денег, то я за них никогда не работал, не работаю и вряд ли стану в будущем.

— Вот это вы зря сказали. Как-то неубедительно прозвучало.

— Объясню. Бесплатно я не работаю — это правда, но и только ради денег — тоже. Прекрасно знаю: за сценарий какого-нибудь телесериала мне заплатят больше, чем малоизвестному автору, но я не стану его писать. Неинтересно. И в кино не пойду сниматься, если предложенная роль скучна, а профессионализм режиссера вызывает сомнения. Сумма гонорара ничего не изменит.

ни, наделять их смыслом, которого они в действительности не содержат. Е-моё! Это, поверьте, невнынось!

— Бойтесь, вычерпают до дна?

— Становлюсь разборчивее, теперь далеко не на всякий разговор соглашаюсь. Скажем, в какой-то момент мне было интересно давать интервью модным женским журналам.

— Еще бы не интересно!

— Совсем не по той причине, на которую вы намекаете! Понимал: это совершенно иная среда и ей надо соответствовать. Как я мог попасть в руки к читательницам глянцевого журнала? Только в виде напечатанного текста, лежащего на столике в салоне красоты или в фитнес-клубе. Старался не нагружать, быть в меру смешным и забавным. Для